

БАТАЙЦЫ

Судьба провинциальных городов —
иметь лицо и сохранять традиции.

Нам, азиатам, не указ Ростов,
нам лучше знать, где надобно
родиться!

Есть города и краше, и милей —
чего скрывать?— Москва,

Нью-Йорк, Неаполь,—

но только здесь весенний птичий
клей

сызмальства заставлял и петь,
и плакать.

И пусть домов соседских вид

простой,
и речка Койсуг не одета камнем,
иду из детства девочкой босой
советскими и крепкими ногами
и свой среди других теряю
след...
Пусть — даже меж бутылок
и окурков —
тут в каждом доме предка есть
портрет.
Мы — местные, и мы здесь —
не манкурты,
и веришь свято, что настанет час,
и поумнеют дети, жизнью битые,
и сберегут наш маленький
Батайск,
с его провинциальными амбициями.

МОЗАМБИК

Говорят, в последний час,
как в фильме,
снова жизнь проносится в глазах,—
а меня кружили серафимы,
из углов смотрели образа,
и рвалось, как ветхая тряпица,
мое сердце, не перенеся
боль несоответствия амбиций
с разведением кур и поросят.
Врач кольнул не дозой анальгина:
— Сорок пять? Пажи-и-ли!..—
Пожила...
И опять сомкнули серафимы
надо мною черные крыла...
Не спасло от бед образование:
крах стране — Гайдар — дефолт —
Чечня...
...А в деревнях русских зори
ранние,
и — с рассвета вкалывала я
в огороде... куры... В *это* утро,

с капальницей в обе-две руки,
я ревела, чуть живая дура,
что умру, не видя... Мозамбик!
И зачем учительнице — Африка?
На черта мне нужен Мозамбик,
если смерть с косою знакомым
абрисом
мне в окошко — адресно
грозит?..
Врач бесплатно раздавал советы,
чтоб, мол, затаилась я на миг —
но... вставали в Африке рассветы,
над землей незнамой *Мозамбик*...
И светились маковки кокосов,
шли слоны под обезьяний крик —
ни-че-го я, кроме абрикосов,
не видала... Надо — в Мозамбик!
Никаких я денег не считала —
где им быть?—
но на единый миг —
русская учителька мечтала
хоть глазком — увидеть
МОЗАМБИК!
За окном январь.
В палате — холод.
Елку под гирляндами знобит...
Мне не нужен серп, зачем мне
молот?—
до смерти хочу я в Мозамбик!
Ну уж, нет,—
закручиваю фигу я,—
не пришла еще моя пора!
Я, покамест Африку не видела,
ни за что не стану умирать!
Так, с недосыгаемой надеждой,
Зажила-а-ась, не знаю, как и
быть?—
поблагодарить хочу я нежно
недооцененный Мозамбик.

РАЗГОВОР С ПАМЯТНИКОМ

Ты плачешь, солдатик,
железный и стойкий солдатик,
в задонских лугах не согнувший
немые колена?

Прикован к кровати, однако,
к последней кровати,
твой друг, ветеран неимуший,
избегнувший плена.
Он ищет медаль «За Отвагу»,
и гладит, лелея,
рассказывает про атаку
как школьникам — к юбилею:
«Был орден — да он затерялся,
герой был — сейчас седой...» —

Спасибо, что жив остался
на поле со снежной лузгой,
где то ли метель, то ли «Мессеры»
стонали и выли о смерти,
где выжить в кровавом месиве
не удавалось и СМЕРШу,
где падали в поле белое,
в его заливные луга,
ребяточки наши смелые,
шедшие на врага.

Словно пшеница — падали,
в небо глаза уставив,
это — по ним ПАМЯТНИК
выплавился из стали.

...Когда разбитные мальчишки
греются Вечным пламенем —
ты подойди поближе:
может, они услышат —
и, словно в молитве (амен!),
стой! — и читай список
сгинувших — с нами фронт!
Стой же! — так грают близко
жадные стаи ворон...

УЧИТЕЛЯМ

1.
С мешком за плечом,
в груди горячо —
Советский учитель на рынке —
а, черт! —
и в тесной нечестной жестокой
борьбе
узнал он нелестную весть о себе:
что преподавал он не то, и не так,
мозги продавал он за медный
пятак...
Наташа Ростова —
в карете на бал —
учитель Ростова полтинник
сорвал...
На кровью залитой Сенатской
полки —
читают «Лолиту» ученики...
«На сердце печатью ты мя
положи...» —
початой печалью наполнена
жизнь...

2.
Что ж сетовать на низвержение
нравов
и поражаться оскудению душ?
Вы сами пили лживую отраву,
и нас поили, и теперь по праву
мы вместе пьем из покрасневших
луж.
Не вам благодаря, а вопреки,
узнали мы живительные строки,
и Библии воскресные уроки
взорвали грудь — листы ее легки,
да тяжелы потерянные годы.
И наши души — утлые уроды —
уже навряд ли будут высоки.